
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА

И.В. ФОМИН, М.В. ИЛЬИН*

ЗАЧЕМ СЕМИОТИКА ПОЛИТОЛОГАМ?¹

Аннотация. Для современной политической науки привычно разделение методов на количественные и качественные. При этом количественные методы имеют в качестве своей основы аппарат математики, а для качественных методов такого рода основание не определено. Предлагается рассмотреть в качестве одного из таких оснований семиотику – как «математику» общественных наук. Внимание к общим семиотическим принципам и выделение семиотических исследовательских инструментов в качестве одного из видов методов может оказаться существенным для политической науки в качестве средства обеспечения интрадисциплинарной связности и трансдисциплинарной интеграции.

Ключевые слова: дискурс-анализ; методология; методы политических исследований; политическая семиотика; политический дискурс; семиотика политики;

* **Фомин Иван Владленович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; e-mail: fomin.i@gmail.com; **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук; руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН; профессор НИУ ВШЭ; профессор МГИМО (У) МИД России; e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Fomin Ivan, Center for Advanced Methods of Social Sciences and Humanities, INION RAN; e-mail: fomin.i@gmail.com; **Mikhail Ilyin**, Center for Advanced Methods of Social Sciences and Humanities, INION RAN; National Research University Higher School of Economics; Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia); e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-23-20009 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

семиотика; семиотический органон; семиотические методы; социальная семиотика; трансдисциплинарные методы.

I.V. Fomin, M.V. Ilyin

What can semiotics contribute to political science?

Abstract. Today in political science we are used to distinguish between methods that are qualitative and quantitative. And while the quantitative techniques are based on the apparatus of mathematics, the qualitative ones don't seem to have any basic methodological framework of this kind. It is suggested to consider semiotics in this role of the «mathematics» of social sciences. The consideration of general semiotic principles and distinction of semiotic research methods can provide political science with intradisciplinary consistency and transdisciplinary integration.

Keywords: discourse analysis; methodology; methods of political research; political semiotics; political discourse; semiotics politics; semiotics; semiotic methods; semiotic organon; social semiotics; transdisciplinary methods.

Когда речь заходит о методологическом аппарате политической науки, привычно его описывают в терминах размежевания между методами *количественными* и *качественными*. Картина становится несколько иной, если мы вводим в нее еще один элемент в виде *смешанных* методов, однако никакого принципиального изменения из этого не следует. «Смешанные методы» обычно мыслятся в логике все той же дихотомии количественных / качественных, пусть уже и без резкого противопоставления и с возможностью их комбинирования [см., напр.: Creswell, 2003; The SAGE... р. xxix и др.]

Если попытаться ответить на вопрос о том, каковы содержательные основания разделения методов на эти две группы, то с *количественными* методами ситуация относительно ясна – их мы можем определить как методы, основанные на аппарате *математики* [Muijs, 2004, р. 1–2], а вот основания качественных методов оказываются гораздо менее отчетливыми. Доступным решением было бы определить качественные методы «апофатически» – как «все остальное», как неколичественный анализ, как изучение данных, не оформленных в численном, измеримом виде. Такое определение трудно признать удовлетворительным, однако есть некоторые обстоятельства, вынуждающие говорить о качественных исследованиях именно так. В первую очередь причина этого – фрагментарность подходов к качественному анализу и их сопротивление

попыткам выстраивания какой бы то ни было метапарадигмы [Denzin, Lincoln, 2005, p. xv].

Ввиду того что никакого определенного «катафатического» содержания в понятии *качественные* методы мы не обнаруживаем, привычное разделение методов на количественные и качественные имеет смысл пересмотреть. Как минимум стоит пользоваться термином *качественные методы* с осторожностью, в частности обращая внимание на тот факт, что если количественные методы основаны на математике, то у качественных методов таких «математик» вполне может быть несколько, и каждое из таких оснований будет давать нам отдельную группу методов.

Именно в поисках обществоведческих «математик» мы можем обратить внимание на семиотику, в ней мы можем усмотреть одно из методологических оснований *качественных* исследований в политике¹. Поскольку, как было сказано выше, термин *качественные методы* довольно зыбок, предлагается далее вести речь именно о *семиотических методах*. Объем этой категории, пожалуй, может оказаться убоже, однако ее содержание будет гораздо более определенным.

Семиотика как «математика» наук об обществе

Что же мы знаем о семиотике, и какие методы мы можем отнести к семиотическим? Обычно *семиотикой* называют науку, занимающуюся изучением знаков, знаковых систем (языков) и целостных совокупностей знаков (текстов). При этом понятия *знак* и *текст* рассматриваются в максимально широком значении. Текстами именуются отнюдь не только фрагменты устной или письменной речи на естественных языках, а вообще любые результаты *осмысленной* деятельности. Семиотика, таким образом, оказывается тем фундаментальным инструментом, с помощью которого мы можем описать не *реальность*, но *действительность* [Ильин, 2009, с. 186–189], не *Плерому*, но *Креатуру* [Jung, 1967; Бейтсон, 2000]. Она позволяет протоколировать эффекты, вызванные *различиями*,

¹ Подробнее о других возможных методологических основаниях (органах) – таких, например, как морфология и математика, – см.: [Ильин, 2014; Кокарев, 2014; Круглый стол... 2014; Авдонин, 2015].

которых нет в универсуме *реальности* – в плеромном мире неразграниченных материальных сил и импульсов, но которые при этом являются существенными и значимыми для универсума *действительности* – мира, творчески освоенного и осмысленного человеком.

Семиотика – инструмент изучения мира, существующего в сознаниях: в нашем собственном сознании и в сознании Другого. Именно по этой причине мы можем говорить о ней как об аппарате, подходящем для гуманитарных и общественных наук. И, конечно, политология не является здесь исключением.

Семиотика также есть средство исследования миров разной модальности: миров возможных и невозможных, миров желаемого и должного¹, миров, в которые мы верим, миров, которые вызывают у нас восхищение, ужас или стыд. И здесь нельзя не провести параллели с тем, что уже является частью инструментария политологии, – например, с категориями *креденда*, *миранда*, *хорренда*, *пуденда* у Мерриам и Лассуэлла [Lasswell, 1949, p. 10; Merriam, 1946, p. 453].

Представления о семиотике как об одном из оснований всякого человеческого познания можно обнаружить уже у классиков современной науки и философии. Так, например, Джон Локк в своем «Опыте о человеческом разумении» (1690) писал, что семиотика (*Semeiotike*) – как «учение о знаках» (the doctrine of signs) – составляет одну из трех ветвей познания как такового наряду с *физикой* – «знанием о вещах» (the knowledge of things) и *практикой* – «умением правильно прилагать наши силы и действия для достижения благих и полезных вещей» (the skill of right applying our own powers and actions, for the attainment of things good and useful) [Локк, 1985, с. 200–201; Locke, 1995, p. IV:XXI].

О семиотике Локк говорит следующее: «И так как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также *λογική* – “логика”. Задача логики – рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для уразумения вещей или для передачи своего знания другим» [Локк, 1985, с. 200–201; Locke, 1995, p. IV:XXI]. Локк обращает внимание на связь между знаками, словами и знаниями. Если в русском языке *знаки* переклика-

¹ О множественных мирах разной модальности см., напр.: [Lewis, 1986]. Об изучении их в рамках политических исследований см., напр., в наст. изд. статью С.Т. Золяна.

ются со знаниями, то в греческом слово – логос (λόγος) – переключается с логикой (λογική), способностью к рассуждению.

Другой ярчайший мыслитель Чарльз Сэндерс Пирс сделал следующий шаг – развернул масштабную систематику человеческого познания и поведения, в которой семиотика также заняла центральное положение. Пирс в различных своих работах приводит разные версии выделения разновидностей наук. Как и у Локка, эти классификации у него имеют триадическую структуру. Так, например, в своей ранней работе «Телеологическая логика» (1865) Пирс ведет речь 1) о позитивной науке (изучение вещей), 2) о семиотике (изучение представлений) 3) и о формальной науке (изучение форм) [Peirce, 1982, p. 303–304]. Как и Локк, Пирс ставит знак равенства между логикой и семиотикой, говоря о них как о разных названиях для «формального учения о знаках» [Peirce, 2012, p. 98].

Сами знаки Пирс также рассматривает трихотомично. Во-первых, он разделяет знаки по самой их сути на: 1) первичные знаки-качества (напр.: ощущение от черного цвета), 2) воплощения качеств, т.е. единичные действительно существующие предметы или события – знаки-вещи (напр.: написанное черными чернилами слово «стол»), 3) знаки-законы, проявляющиеся в вещах (напр.: правила использования слова *стол*). Во-вторых (и это самая известная триада Пирса), с точки зрения отношений между знаком и объектом, на который знак указывает, выделяются: 1) иконы (знаки в силу подобия), 2) индексы (знаки в силу смежности) и 3) символы (знаки в силу конвенции). В-третьих, Пирс различает с точки зрения отношения к своему значению: 1) знаки-возможности (*ремы*), 2) знаки-факты (*суждения*) и 3) знаки-умозаключения, что соответствует классической логической триаде *термина, предложения и умозаключения* [Peirce, 2012, p. 101–104]¹.

Полтора с лишним века между семиотиками Локка и Пирса как между важнейшими вехами истории этой науки были также заполнены весьма содержательной работой. Как показал в своем фундаментальном справочнике о семиотике Винфред Нёт [Nöth, 1985; 1990], за это время появились идеи и труды Иоганна Готфрида Гердера, Вильгельма фон Гумбольдта, а также Иоганна

¹ О некоторых возможностях использования идей Пирса в политических исследованиях см., напр.: [Drieschova, 2014].

Генриха Ламберта и Бернарда Больцано, которые не только развивали семиотические концепции¹, но и пользовались при этом самим термином *семиотика*. Б. Больцано, например, развивая общее «учение о знаках» (*Zeichenlehre*), выделял семиотику (*Semiotik*) в качестве прикладной его части [см.: Nöth, 1990, p. 27–34].

Однако формирование семиотики как науки связано именно с Пирсом и его младшими современниками. В связи с этим нельзя не упомянуть помимо трудов Ч. Пирса также *сигнифику* В. Уэлби [Welby, 1985] и *семиологию* Ф. де Соссюра [Соссюр, 1977, с. 54]. Пирсовские идеи о фундаментальном характере семиотики развивал также выдающийся ученый Чарльз Уильям Моррис. Он четко различил *чистую* (*pure*) *семиотику* и ее приложения к различным предметным областям в виде *дескриптивных* (*descriptive*) семиотик [Morris, 1938, p. 9]. Аналогичные идеи высказывал и Ганс-Генрих Либ, предлагавший выделять *общую* семиотику и семиотику *специальную* [Lieb, 1975].

Согласно амбициозной концепции Ч.У. Морриса, именно семиотика должна была стать «математикой» социальных и гуманитарных наук. И даже более того – она должна была стать унифицированным инструментом изучения любых явлений, имеющих знаковую природу [Моррис, 1983, с. 38]. В какой же мере сегодня проект, намеченный Моррисом, можно считать реализованным применительно к политической науке?

Американский социолог Чарльз Лемерт в 1993 г. писал: «Кто из читавших в конце 1940-х работы Леви-Стросса мог мечтать о том, насколько сегодня практически каждый уголок гуманитарных и общественных наук будет затронут идеями и работами из области семиотики?» [Lemert, 1993, p. 31]. К восторгу Лемерта, однако, трудно присоединиться.

Прежде всего, ввиду широкого и действительно почти повсеместного наступления структурализма и постструктурализма в XX в. отдельные идеи, имеющие отношение к семиотике, так или иначе действительно вошли в инструментарий почти всех наук об обществе, став отправной точкой для целого ряда популярных подходов. Однако настоящего семиотического коперниканского переворота все же не произошло. Унифицирующего метанаучного

¹ История развития подобных концепций рассматривается В. Нётом с европейской античности. Немало семиотических представлений, однако, получили развитие также в индийской и китайской культурных традициях.

семиотического языка, о котором писал Моррис, мы практически не обнаруживаем. И даже для тех тенденций, которые действительно имели место, политическая наука, пожалуй, была одной из самых мало затронутых областей знания [Drechsler, 2009, p. 73–74].

Существующие в политической науке семиотические исследовательские техники сегодня представлены скорее как россыпь отдельных приемов. Они разбросаны по различным субдисциплинам, школам, направлениям и исследовательским традициям и редко рассматриваются как единое целое. К такого рода методам мы можем отнести контент-анализ, концепт-анализ, анализ метафор, нарративный анализ, конверсационный анализ, всевозможные версии дискурса-анализа¹, герменевтики, этнометодологии, исследования символической политики и др. В целом же семиотический методологический проект едва ли сегодня в достаточной мере реализован. Более того, возможно, мы еще пока даже не вполне приступили к его реализации.

Чем объясняется такое невнимание к семиотике? Тем же, чем и тот факт, что мощная систематика Пирса остается достоянием лишь элиты научных элит. Все эти научные достижения слишком фундаментальны, требуют цепкого ума и интеллектуальных навыков для работы с ними. К тому же весьма абстрактное, но при этом предельно четкое различие, которое проводил Моррис, для большинства совсем не очевидно. Оно может показаться довольно умозрительным, ведь на практике мы сталкиваемся скорее с замутненными формами и целыми лестницами переходов между предельными проявлениями сути дела. Именно эти замутненные и переходные формы застилают нам взор. Именно они кажутся «реальными» и «настоящими».

Другим важным обстоятельством, отвернувшим внимание массива научного сообщества от чистой семиотики, были, как это ни парадоксально, успехи дескриптивных, специальных, прикладных и прочих частных семиотик. В течение практически всего прошлого века основное внимание уделялось разработке специфических возможностей приложения принципов семиотики. В результате возникли своего рода частные семиотики. Это была, прежде всего, лингвистическая семиотика как наиболее разработанная сфера исследований. Однако наряду с ней появились и другие семиотические дисциплины – семиотика культуры, кино, городской

¹ О разных версиях дискурса-анализа см., напр.: [Фомин, 2015, с. 19–22].

среды, биосемиотика и, естественно, семиотика политики, которой и посвящен настоящий выпуск журнала.

Нынешнее состояние семиотики можно достаточно отчетливо представить, если мы вообразим мир, в котором не существует математики как связной системы знания. В таком мире есть существующие сами по себе «плодоисчисление», «человекоисчисление», «скотоисчисление», а также «звездомерство», «водомерство», «домомерство» и т.д. Это мир, в котором *геометрия* – это исключительно «землемерство», а принципами изучения пространственных структур на других поверхностях учат, соответственно, на отдельных факультетах «бумагомерства», «стеномерства» и т.д. Именно такова сегодня семиотика. При развитости отдельных ее предметных направлений (таких как лингвистическая семиотика, литературная семиотика, семиотика искусства, семиотика кинематографа, биосемиотика, семиотика городской среды и т.д.) почти не выражены и не проработаны общие ее основания – то, что Ч.У. Моррис называл *чистой семиотикой* (pure semiotics) [о предметном насыщении и очищении семиотики см.: Фомин, 2015 а].

Подобное развитие привело к ситуации, когда семиотика черпает свой материал из лингвистики, кибернетики, биологии, психологии, этнографии, социологии, истории культуры, литературоведения, но также и отдает в свою очередь этим наукам свои обобщения [Степанов, 1998, с. 19]. Она развивается на стыке наук, и возникает такое качество «приватизированной» отдельными дисциплинами семиотики, как ее срединность или междисциплинарность, а в перспективе, добавим, трансдисциплинарность. В этой ситуации, на фоне развития частных семиотических методов, стоит возвратиться к идее Чарльза Морриса о чистой семиотике – всерьез поставить вопрос о развитии общей семиотики как метанаучного интегратора, объединяющего весь комплекс социально-гуманитарных наук, включая и политологию, – поверх дисциплинарных границ.

Чистая семиотика

Одним из главных элементов теоретической рамки, заданной для семиотики Ч. Моррисом, была триада уровней семиотического анализа:

- уровень семантики,
- уровень синтактики,
- уровень прагматики.

Согласно этой схеме в сферу семантики включаются отношения между знаками и означаемыми ими объектами, в сферу синтактики – отношения знаков между собой, в сферу прагматики – отношения знаков к интерпретаторам [Моррис, 1983, с. 42]¹.

Базовыми концепциями для семиотики можно считать также предложенные в рамках этой дисциплины диадические (означающее – означаемое) [Соссюр, 1977, с. 99–100] и триадические (форма – смысл – значение) модели знака [Peirce, 2012, p. 101–104; Моррис, 1983, с. 39–40; Frege, 1892, S. 25–50]. В самом общем понимании знаком в семиотике считается любой предмет, выступающий посредником между двумя системами. На основе базовых моделей знака могут разворачиваться более сложные и многоуровневые конструкции. С их помощью могут быть составлены модели метафор, мифов, образов и других комплексных семиотических феноменов [Барт, 1989, с. 81; Ильин, 1995, с. 111; Фомин, 2014 а]

Одной из главных заслуг Ф. де Соссюра, наряду с предложенной им структуралистской моделью знака, считается введение различия между такими явлениями, как *язык* (*langue*) и *речь* (*parole*). *Речью* в этой дихотомии называется конкретный результат использования языка – семиотический продукт, развернутый во времени и пространстве. Под *языком* же понимается система знаков (код), которая виртуально существует в сознании каждого владеющего языком индивида, но которая при этом не располагается в его сознании никогда полностью и никогда индивиду полностью не принадлежит. Язык индивидом единолично не создается и не изменяется, поскольку являет собой внешний по отношению к нему социальный аспект речевой деятельности, существующий в полной мере лишь в коллективе [Соссюр, 1977, с. 52].

¹ Моррисовская система уровней не уникальна. Существуют и иные схемы структурирования знаковой действительности. Так, например, Т. ван Дейк предлагает говорить о *речевом* (*language use*), *коммуникационном* и *интеракционном* уровнях, выводя это членение из результатов препарирования ситуации социально контекстуализированной коммуникации – когда адресант и адресат взаимодействуют (интеракция), передавая информацию (коммуникация) при помощи языка (*language use*) [Dijk, 1998, p. 2, 5]. Подробнее о других способах структурирования дискурса см.: [Фомин, 2015, с. 17–18].

Дихотомическое разделение на *язык (код)* и *речь* происходит внутри всего множества проявлений *речевой деятельности* – языка в самом широком значении этого слова. В оригинальном тексте «Курса общей лингвистики» де Соссюра соответствующий термин обозначается французским словом *langage* (лангаж) [Saussure, 1995, p. 20].

Через призму соссюровской триады *лангаж – язык – речь* можно подходить к объяснению одного из понятий, которые сегодня распространены в политических исследованиях весьма широко. Речь идет о понятии *дискурса*. Дискурс можно рассматривать как языковую практику (лангаж) в неразрывной связи с ситуативным контекстом, с прагматическими, социокультурными, когнитивными установками коммуникантов.

Вести речь о дискурсе как о том, что позволяет соединить язык как систему (*langue*) и речь как деятельность (*parole*), но при этом конкретнее и у□же языка в его целостности (*langage*), впервые предложил при уточнении соссюровской концепции бельгийский лингвист Эрик Бюиссанс¹ [Buysens, 1943].

Предложенный Бюиссансом подход позволяет различить три типа дискурса: два взаимоисключающих и один интегрирующий. Во-первых, он может пониматься как *дискурс-продукт* – аналогичные речи эпизоды человеческой деятельности, развернутые в действительном времени и значимые для вовлеченных в них людей. Во-вторых, он может определяться как *дискурс-программа* – значимая для соответствующих групп людей система правил понимания (интерпретации) подобных эпизодов и / или их создания (порождения). В-третьих, его можно непосредственно связать со способностями группы и составляющих ее людей использовать систему правил для создания осмысленных эпизодов действительности, а также придавать эпизодам своей деятельности смысл путем выработки или уточнения правил их понимания. Иными словами, дискурс в третьем смысле – назовем его *дискурс-конвертор* – отождествляется с творческими усилиями людей по созданию и пониманию своих эпизодов действительности.

В современной семиотике *языками* принято называть не только лингвистические коды, но и вообще любые знаковые системы. Это открывает возможность для аналитического разделения

¹ См. также статью Э. Бюиссанса в наст. изд.

абстрактной знаковой системы (языка) и конкретного семиотического продукта (речи) не только в естественных языках, но и при изучении иных модусов социальной коммуникации. Дискурс охватывает всю символическую деятельность людей, и за конкретными проявлениями любой целенаправленной деятельности (дискурс-продуктом) можно усмотреть абстрактные системы семиотического взаимодействия (дискурс-программу).

Семиотический анализ дискурсов

В строгом смысле слова анализ дискурсов не может не быть семиотическим. Однако большинство коллег, заявляющих, что они практикуют дискурс-анализ, далеки от понимания этого. Так, для отечественной политологии и, шире, социального познания характерно трактовать едва ли не всякий предмет изучения, отраженный в текстах или их аналогах (в подавляющем большинстве случаев это официальные документы и материалы СМИ), как дискурс, а любой способ понять и объяснить соответствующие тексты – как дискурс-анализ. Наглядный пример – статья «Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ. Дискурс-анализ газетных публикаций» [Романов, Щебланова, Ярская-Сми, 2003], опубликованная в авторитетном журнале «Полис. Политические исследования». Итак, материал – газетные публикации. Что с ними делается? Как пишут авторы, они сосредоточивают «внимание на исследовании моделей репрезентации в российских СМИ женщин – исполнительниц террористических актов» [там же, с. 144]. Каким образом? Ответ, казалось бы, ясен. Сразу же за характеристикой исходного материала следует раздел «Ключевые понятия и методы дискурс-анализа». Авторы берут быка за рога и определяют дискурс как «институционализированные формы и практики... создания текстов» [Романов, Щебланова, Ярская-Сми, 2003] – в логике институционального подхода, а не семиотики. При этом делаются два уточнения. Объектом выступает не столько текст, сколько контекст (со ссылкой на коллегу – специалиста по гендерным исследованиям [Мещеркина, 2001]). А это означает, что «текст анализируется не сам по себе, а в качестве социальной репрезентации» [там же].

Как могут понять репрезентацию в строгом смысле семиотики и специалисты по профессиональному анализу дискурсов? Наиболее вероятный ответ – знак или комплексный «знак», семиотический продукт. Ответ авторов близок. Это «производство смысла посредством языка» – там же со ссылкой на авторитетного специалиста [Hall, 1997]. Семиотик бы назвал производство смыслов семиозисом и уточнил бы, что осуществляется оно не только посредством языка, но и иными способами – с помощью танца, застольной церемонии, художественного перформанса, политического шествия и т.п. Далее поясняется, что фактически имеются в виду «ментальные связи между реально существующими объектами, абстрактными и вымышленными образами» [там же]. Эти связи в свою очередь трактуются отнюдь не как языковые (весь предшествовавший разговор о языке забыт), а скорее как логические, судя по тому, что далее привлекаются модели аргументации (*argumentation*) [Toulmin, 2003] и рассуждения (*reasoning*) [Scriven, 1976]. Тем самым все дальнейшее исследование газетной фактуры выводится из сферы анализа дискурса (в сферу семиотики оно и не попало изначально) и оборачивается интерпретацией этой фактуры с минимальным квазианалитическим подкреплением в виде использования заимствованной у Майкла Скривена таблички.

Это пример вполне содержательного и достойного исследования. Проблема, однако, в том, что авторы свою интерпретацию называют анализом, ее предмет («ментальные связи» или идентификаторы женщин-террористок из таблички по Скривену) – дискурсом. Разумеется, можно найти немало совсем уже пустой «торговли воздухом» под маркой дискурс-анализа. Такой вариант оставим в стороне. Пока же зафиксируем, что в современной политической науке – и не только отечественной, но и мировой – изучение политических текстов и, шире, символической, смысловой стороны политики привычно трактуется как анализ политического дискурса. На деле же с помощью практически неограниченного набора методик и техник исследуется фактура, подходящая для использования данных техник или по иным причинам важная для исследователей. Результатом становится появление множества не связанных друг с другом ни методологически, ни предметно исследований. Одним из путей преодоления фрагментации исследовательских усилий может стать прежде всего просвещение поли-

тологов, их знакомство с современной семиотикой и на этой основе выработка методологий изучения политического дискурса.

Перспективы семиотики в политических исследованиях

Положения общей (чистой) семиотики важны не только сами по себе, но и с той точки зрения, что они потенциально позволяют интегрировать разрозненные предметные семиотические области. В частности, это касается семиотики политической. Для политической науки внимание к общим семиотическим принципам и выделение семиотических инструментов как одного из основных видов исследовательских методов может оказаться существенным в качестве средства обеспечения интрадисциплинарной связности и трансдисциплинарной интеграции. Встраивание разрозненных семиотически ориентированных методов и приемов в общую концептуальную рамку может позволить соотнести их друг с другом и выработать общий методологический язык. Большинство семиотически ориентированных методов, используемых в политической науке, не уникальны для нее, потому возможность переформулировать полученные выводы на языке, более очищенном от конкретной политической предметности, позволяет интегрировать политическую семиотику в более широкое пространство социальной семиотики¹.

При этом, разумеется, никто не предлагает редукционистски унифицировать все существующие семиотически ориентированные методологические языки. Речь идет скорее о том, чтобы помимо них освоить еще и семиотическую лингва франка. Кроме того, наличие более широкой методологической перспективы может высветить некоторые лакуны, которые могут быть изучены семиотическими методами, но пока остаются почти без внимания, попадая в «слепые зоны» используемых методов.

Так, например, общесемиотическая концепция, предполагающая выделение трех уровней любого дискурса: семантического (отношения между формой, смыслом и значением знака), синтаксического (отношения между знаками) и прагматического (отношения

¹ Об интеграционном трансдисциплинарном потенциале семиотики см.: [Моррис, 1983; Ильин, 2007; 2014; 2015; Фомин, 2015 b; Фомин, 2015; статья С. Золяна в наст. изд. и др.].

между знаками и ситуативным контекстом) – позволяет лучше разобраться с достоинствами и недостатками такого распространенного метода, как контент-анализ.

Техника контент-анализа зачастую оказывается эффективной, однако, рассматривая ее с точки зрения триадического разделения уровней дискурса, мы можем обнаружить, что она эффективно решает свои задачи лишь на уровне семантики. Уровень синтактики при этом обычно оказывается вовсе не исследован, а уровень прагматики описывается интерпретативно, уже как бы за рамками довольно четко прописанной методологической схемы.

В некотором смысле обратную ситуацию мы имеем в случае с методами критического дискурс-анализа. Исследователи, использующие такого рода техники, зачастую стремятся сделать острые выводы, относящиеся к уровню прагматики, используя детально проработанные аналитические схемы, но пренебрегают при этом потенциалом дескриптивного и компаративного изучения сематического и синтактического уровней дискурса.

Одной из самых насущных задач для политической семиотики сегодня видится ее выход из «лингвистической колыбели». Ведь хоть семиотика теоретически и выступает как метадисциплина в отношении лингвистики, тем не менее она сегодня несет на себе глубокий отпечаток лингвистической «наследственности». Потенциально материнской дисциплиной для семиотики могли стать, например, и генетика, и искусствоведение, и теория дизайна. Исторически, однако, сложилось так, что эту роль на себя взяла именно лингвистика [Соссюр, 1977, с. 54]. По этой причине и по сей день ключевые семиотические концепты, такие как, например, *язык* или *текст*, несут в себе хоть и следовые, но почти всегда осязаемые лингвистические коннотации.

Выработка самостоятельного семиотического языка или хотя бы эффективное соединение элементов языков разных дисциплин – одна из главных сегодняшних задач. Интересна в этом плане попытка Г. Кресса привнести в семиотический вокабуляр ряд терминов, изначально относящихся скорее к области дизайна, таких как *модуль* или *аффорданс*¹.

«Похмелье» (именно так эту ситуацию называет Г. Кресс) после выхода из эры лингвистического доминирования может

¹ См. статью Г. Кресса в наст. изд.

быть довольно тяжелым, а фронт работ, открывающийся за пределами узколингвистической проблематики, может оказаться весьма впечатляющим. Тем более насущной видится задача выхода за рамки глоттоцентричной повестки дня – в область изучения мультимодальных текстов, в том числе и политических перформативов.

Через призму семиотики становится возможным изучение репертуара осмысленных политических действий (семантика), закономерностей построения связей между ними (синтактика), а также исследование их аксиологических, телеологических и психологических аспектов (прагматика). Более широкое применение аппарата семиотики позволяет хотя бы отчасти снять проблему идеографичности социальных и гуманитарных наук, которая в политической науке сегодня обычно решается посредством математики. С точки зрения семиотики исследуемые объекты рассматриваются не как полностью уникальные явления, а как воплощение некоторых абстрактных общих закономерностей. Выяснение такого рода семиотических правил, по сути, приближает гуманитарные науки к наукам номотетическим, т.е. позволяет вести речь о сформулированных на языке семиотики законах знаково освоенной действительности – подобно тому как естественные науки оперируют законами, действующими в физической реальности, формулируя их на языке математики.

Помимо всех перечисленных возможностей семиотики политология, сама будучи семиотическим продуктом, может задействовать еще и потенциал семиотики как метадисциплинарного органа для рефлексии своего собственного концептуального аппарата [см. напр.: Сергеев, Сергеев, 2001; Ильин, 1997; Фомин, 2016].

В конечном счете продуктивным и для семиотики, и для политической науки может оказаться выстраивание интерфейса, в рамках которого инструментарий семиотики обогатится за счет его политологической реконтекстуализации и насыщения политической предметностью, а аппарат политической науки в свою очередь получит новые концептуальные возможности для более острого¹ и восприимчивого видения своей предметной фактуры.

¹ Термин В.Б. Шкловского [Шкловский, 1929]. Об эвристической значимости острания см.: [Ермакова, 2016].

Список литературы

- Авдонин В.С. Методы науки в вертикальном измерении (метатеория и метаязыки-органоны) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 5. – С. 265–278.
- Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 72–130.
- Бейтсон Г. Форма, вещество и различие // Бейтсон Г. Экология разума. – М.: Смысл, 2000. – С. 409–430.
- Ермакова В.Б. Четыре решения проблемы Анкерсмита // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – Вып. 6. – В печати.
- Золян С. Семиотика как органон гуманитарного знания: возможности и ограничения // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – Вып. 6. – В печати.
- Ильин М.В. Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разьединенные сферы познания? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 6–11.
- Ильин М.В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурса-анализа // Дискурс-Пи. – Екатеринбург, 2015. – № 1–2. – С. 43–47.
- Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Ч. 1. – М.: МГИМО, 1995. – 112 с.
- Ильин М.В. Политический дискурс // Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – С. 537–544.
- Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. – 430 с.
- Ильин М.В. Существуют ли общие принципы эволюции? // Полис. Политические исследования. – М., 2009. – № 2. – С. 186–189.
- Кокарев К.П. Институционализмы: Сад расходящихся исследовательских тропок // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 192–202.
- Круглый стол «Математика и семиотика: две отдельные познавательные способности или два полюса единого органаона научного знания?» // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 122–142.
- Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1985. – 560 с.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
- Олкер Х.Р. Диалектическая логика «Мелосского диалога» Фукидида // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – Вып. 5. – С. 220–249.
- Пропт В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.
- Романов П.В., Щербанова В.В., Ярская-Сми Е.Р. Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ (Дискурс-анализ газетных публикаций) // Полис. Политические исследования. – М., 2003. – № 6. – С. 144–154.

- Сергеев В.М., Сергеев К.В.* Некоторые подходы к анализу языка политики на примере понятий «хаос», «лидер», «свобода» // Полис. Политические исследования. – М., 2001. – № 5. – С. 107–115.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию / Пер. с франц.; под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- Степанов Ю.С.* Язык и метод: К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
- Фомин И.В.* Элементы семиотического органа для обществоведения: анализ повествований // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2014 а. – Вып. 4. – С. 143–160.
- Фомин И.В.* Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015 а. – № 2. – С. 8–25.
- Фомин И.В.* Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2015 б. – Вып. 5. – С. 208–219.
- Фомин И.В.* Категория образа как средство изучения политической действительности (на примере образа Южной Осетии в российском внешнеполитическом дискурсе) // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2014 б. – Вып. 2. – С. 40–65.
- Фомин И.В.* Метафорическая визуальность в концептуализациях когнитивного: знание как видение // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – Вып. 6. – В печати.
- Фомин И.В.* Модели повествовательной синтактики как инструмент анализа образов государств // Вестник БФУ им. Канта. – Калининград, 2014 с. – № 6. – С. 94–102.
- Цымбурский В.Л.* Макроструктура повествования и механизмы его социального воздействия // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – Вып. 4. – С. 161–191.
- Шкловский В.* Искусство как прием // О теории прозы. – М.: Федерация, 1929. – С. 7–23.
- Bonham G.M., Sergeev V.M., Parshin P.B.* The limited test-ban agreement: Emergence of new knowledge structures in international negotiation // International studies quarterly. – Detroit, Mich., 1997. – Vol. 41, N 2. – P. 215–240.
- Buysse E.* Les langages et le discours: Essais de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. – Bruxelles: Office de Publicité, 1943. – 99 p.
- Creswell J.W.* Research design: Qualitative, quantitative, and mixed method approaches. – 2nd ed. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2003. – 246 p.
- Denzin N.K., Lincoln Y.S.* Handbook of qualitative research. – 3rd ed. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. – 1210 p.
- Dijk T.A. van.* The study of discourse // Discourse as structure and process. – Vol. 1 / Ed. by T.A. van Dijk. – L.: SAGE, 1998. – P. 1–34.
- Drechsler W.* Political semiotics // Semiotica. – La Haye, 2009. – N 173. – P. 73–97.
- Drieschova A.* Pierce's semiotics: A methodology for bridging the material-ideational divide in IR scholarship // Political concepts: Committee on concepts and methods working paper series. – 2014. – N 38. – P. 1–37.

- Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, N.F., Bd. 100/1. – 1892. – S. 25–50.
- Hall S.* The work of representation // Representation: Cultural representations and signifying practices. – L., New Delhi, 1997. – P. 13–74.
- Jung C.G.* VII sermones ad mortuos: The seven sermons to the dead written by Basilides in Alexandria, the city where the East toucheth the West / C.G. Jung; Basilides. – L.: Stuart & Watkins, 1967. – 34 p.
- Lemert C.* Political semiotics and the zero signifier // Tracing the semiotic boundaries of politics / Ed. by P. Ahonen. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1993. – P. 31–41.
- Lewis D.* On the plurality of worlds. – N.Y.: Blackwell, 1986. – 276 p.
- Lieb H.H.* On subdividing semiotic // Pragmatics of natural languages. – Dordrecht: Springer Netherlands, 1975. – P. 94–119.
- Locke J.* An essay concerning human understanding. – Amherst, N.Y.: Prometheus books, 1995. – 624 p.
- Merriam Ch.E.* Physics and politics // The American political science review. – Washington, D.C., 1946. – Vol. 40, N 3. – P. 445–457.
- Morris C.W.* Foundations of the theory of signs // International encyclopedia of unified science. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1938. – Vol. 1, N 2. – 59 p.
- Muijs D.* Doing quantitative research in education with SPSS. – 2nd ed. – L.: SAGE publications, 2004. – 228 p.
- Nöth W.* Handbook of semiotics. – Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press. 1990. – 576 p.
- Peirce C.* Philosophical writings of Peirce. – N.Y.: Dover publications, 2012. – 416 p.
- Peirce C.S.* Writings of Charles S. Peirce: A chronological edition. – Vol. 1: 1857–1866. – Bloomington: Indiana univ. press, 1982. – 736 p.
- Saussure F. de.* Cours de Linguistique Générale / Ferdinand de Saussure; publié par Charles Bally et Albert Séchéhaye; avec la collaboration de Albert Riedlinger; ed. critique préparée par Tullio de Mauro; postf. de Louis-Jean Calvet. – P ris: Payot, 1995. – 520 p.
- Scriven M.* Reasoning. – N.Y.: McGraw-Hill, 1976. – 250 p.
- The SAGE encyclopedia of qualitative research methods / ed. by Lisa M. Given. – Thousand Oaks: SAGE, 2008. – Vol. 1. – 490 p.
- Toulmin S.* Uses of argument. – Cambridge, U.K.; N.Y.: Cambridge university press, 2003. – 247 p.
- Welby V.* Significs and language: the articulate form of our expressive and interpretive resources / Victoria Welby, Lady; ed.: H. Walter Schmitz. – Amsterdam: Benjamins, 1985. – 151 p.